НА КОНКУРС
«50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Фронтовыми дорогами

Память о военных буднях имеет удивительное свойство. С годами она не тускнеет, а становится ярче, острее. Немало пришлось пройти Мустафе Мухарамовичу. В его памяти навечно остались те, с кем не раз ходил в атаку, совершал изнурительные марши, ел из одного котелка, укрывался одной шинелью...

— Случилось это в 1944 году в поселке Локня Псковской области, — так начал свой рассказ Мустафа Мухарамович Юсупов. — Преследуя немцев, рота, которой я командовал, февральским вечером осторожно вошла в поселок. Немцы на сей раз почему—то допустили беспечность, даже не выставили боевое охранение. Да и вечер был вьюжный и снежный. Большинство домов сохранились и загадочно смотрели на нас темными проемами без стекол. Одно из окон двухэтажного деревянного дома светилось слабым светом.

У крыльца стояла запряженная лошадь. Тут же находились два немца, о чем—то громко разговаривали. Их мы убрали бесшумно и быстро. Поднявшись на второй этаж, я резко открыл дверь, где светилось окно. И тут же тишину разорвал пистолетный выстрел. Немец стрелял из противоположного угла слабоосвещенного помещения и промахнулся. Я выбросил руку с пистолетом в направлении выстрела и нажал курок. Но выстрела не последовало. «Осечка!» — молниеносно пронеслось в мозгу. Надо было что—то предпринимать, тем более что на перезарядку пистолета времени не было. И вот я хватаюсь рукой за грудь и делаю вид, что падаю, будто бы пуля немца достигла цели. Падаю и тут же вырываю как можно быстрее резервный револьвер—наган из за пазухи и в упор стреляю в немца, который уже подбежал ко мне. Все это решилось за какие—то секунды...

Когда выбежал из дома, мне стало ясно, что немцы без боя поселок не отдадут. Быстро поставил командирам взводов боевую задачу, а минут через двадцать завязался жестокий бой. К утру немцы из поселка были выбиты.

Боевое крещение выпускник Уфимского пехотного училища, командир взвода противотанковых ружей Мустафа Юсупов принял 3 августа 1942 года на Калининском фронте под городом Белый.

— В августе 1944 года, — рассказывает Мустафа Мухарамович, — я находился в составе 2—го Прибалтийского фронта и командовал ротой. Не доходя до города Добеле, я получил приказ командира полка захватить мост через небольшую реку и удержать рубеж до подхода наших частей. Случилось так, что сильно поредевшая рота при выдвижении к мосту была окружена немцами. Против нас бросили 9 танков, но «проутюжить» нас и вести прицельный огонь они не могли. Не могли потому, что наш рубеж проходил непосредственно у крутого обрыва, и мертвое пространство хорошо «работало» на нас. Трое суток мы отбивали атаки противника и уничтожили около роты немцев. В конце третьих суток по рации был получен приказ командира полка — идти на прорыв. В условленный час полковая артиллерия начала точно бить по немецким траншеям, прикрывая нас. Используя создавшуюся обстановку, мы под разрывами наших снарядов бросились на немецкие траншеи и с боем вырвались из окружения. За успешное ведение боя я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Не раз приходилось Мустафе Мухарамовичу принимать участие в операциях по захвату «языков», когда требовалось установить направление подхода резервов противника и узнать, что это за части. Не раз приходилось смотреть смерти в глаза во многих боях. Отчетливо запечатлелся для него бой в январе 1945 года во время окружения Курляндской группировки противника.

— В то время, — рассказывает он, — я был уже командиром батальона. Батальон занимал оборону недалеко от небольшого хутора. В течение нескольких часов периодически по нашей обороне немцы вели прицельный пулеметный огонь, который сковывал наши действия. И вдруг противник подозрительно замолчал. Находясь в траншее, мы с командиром роты лейтенантом Барушковым внимательно осматривали местность. Хутор находился на высотке недалеко от нас.

— Готовь взвод к разведке, пошарь по переднему краю, выясни, что там у противника, — сказал я Барушкову.

До захода солнца мы полностью приготовились, продолжая наблюдать за противником. Немцы по—прежнему молчали. Лишь из глубины обороны изредка слышались выстрелы тяжелой артиллерии и вой мин шестиствольных минометов. Где находились эти огневые средства, определить на глаз было невозможно.

В разведку идти было много желающих, но Барушков отобрал группу в количестве 15 человек из самых ловких проверенных бойцов. Как только наступила темнота, группа оставила траншею и стала выдвигаться в направлении хутора. Примерно часа через три в расположение батальона группой Барушкова были доставлены два немецких пулеметчика, которые показали, что в хуторе находится около роты немцев. Узнав об этом, я принял решение сделать внезапный налет и выбить их из хутора.

И вот батальон скрытно занимает исходный рубеж. Не успела зеленая ракета упасть на снег, как бойцы поднялись в атаку. Вижу, как рядом бегут десятки рослых ребят и стреляют на ходу. Бойцы рассредоточиваются по хутору и по сигналу лейтенанта Барушкова пускают в ход «карманную артиллерию» — гранаты. Все кругом содрогается от взрывов. Гранаты летят в дома и укрытия. Перепуганных фашистов настигают пули. Атака была настолько стремительной, что немцы бросились бежать, оставляя раненых и убитых.

В этот день наш батальон продвинулся на 35 километров вперед, о чем я доложил командиру полка полковнику Голенкову. За успешное проведение боя и продвижение вперед я был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Пять раз меченный немецкими пулями, кавалер трех орденов Отечественной войны, двух орденов Красной Звезды и многих медалей, ветеран 1, 2, 22 ударных армий Мустафа Мухарамович Юсупов после окончания войны приехал в родной Магнитогорск и до 1973 года трудился на металлургическом комбинате. Отсюда он и ушел на заслуженный отдых. Его трудовые и ратные дела в настоящее время отмечены в музее трудовой славы комбината.

А. СИЛИН.

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

На эстафете

КУЛИКОВ Георгий Михайлович
(1909 — 1990 гг.)
На Магнитке с 1930 года. Начал трудовую деятельность водителем автоуправления ММК. Через некоторое время — начальник технического снабжения того же цеха.
С 1941 года — на фронте. Воевал в составе 40-го Отдельного лыжного батальона Второй ударной армии. Командовал эстафетной ротой подвижной связи. В 1942 году был тяжело ранен. В 1943 году демобилизовался по инвалидности. Продолжил работу на ММК в качестве помощника начальника по быту АТЦ.
С 1946 года трудился на калибровочном заводе.

В трудные дни войны 1941 года фашистские полчища рвались к Москве и блокировали Ленинград. На Урале для помощи осажденному городу начали создаваться штурмовые лыжные отдельные батальоны.

Летом 1941 года по призыву Челябинского обкома комсомола в 40-й Отдельный лыжный батальон вступали добровольцы: молодежь 16-18 лет, комсомольцы, значкисты ГТО, ворошиловские стрелки, спортсмены-лыжники, Я был назначен командиром первого взвода минометной роты 40-го ОЛБ. Занятия шли от темна до темна: лыжные тренировки сменялись изучением оружия, боевыми стрельбами из минометов, тактикой ведения боя в тылу врага, стрельбой с лыж и ориентированием в лесной местности. Все лето на берегу реки Миасс скрипели лыжные крепления, облаком стояла пыль, потому что лыжная трасса была выстлана соломой — она заменяла снег.

В начале декабря 40-й Отдельный лыжный батальон выехал на Волховский фронт. На пути следования у города Малая Вишера на эшелон напали немецкие самолеты. По боевой тревоге мы эвакуировались из вагонов и начали прочесывать лес от фашистских захватчиков. Батальон занял деревню восточнее города Малая Вишера и вошел в состав Второй ударной армии. В конце декабря нашему батальону было приказано выйти на исходный рубеж к реке Волхов в район деревни Александровка, где шли упорные бои 52-й армии. Только 13 января удалось прорвать немецкую оборону и занять сильно укрепленные деревни Красное и Ямно. Мы захватили пленных и большое количество минометов.

После прорыва обороны на реке Волхов я был назначен командиром минометной роты. Наш батальон занял оборону на левом берегу Волхова, а отдельные батальоны вели прочесывание лесов от фашистов. Один из взводов вел разведку. В 20-х числах января 1942 года прорвана вторая линия обороны немецких войск в районе «Мясной Бор». Стремительно наступали лыжные батальоны и 13-й кавалерийский корпус генерал-майора Гусева. По ночам обходили опорные укрепленные пункты противника, прорывались вперед, освобождая деревни Вдица, Ольховка, Финив Луг, Огореле и другие.

Существующая армейская связь не стала обеспечивать оперативную связь со штабом армии действующих частей. При отделе связи армии срочно была создана подвижная связь — эстафетная — из состава 40-го лыжного батальона. Туда вошли лучшие лыжники — коммунисты, комсомольцы, молодые добровольцы. В комплектовании эстафетной роты активно принимал участие комиссар батальона Н. Н. Клементьев (бывший работник горкомхоза г. Магнитогорска). Меня назначили командиром эстафетной связи Второй ударной армии и непосредственно подчинили начальнику связи армии генерал-майору Афанасьеву Алексею Васильевичу. Для меня, командира-минометчика, это назначение было неожиданностью, мне пришлось осваивать дело самому и учить воинов выполнять и решать самостоятельно порой очень сложную и важную боевую задачу.

Эстафетчики обеспечивали связь со штабами наступающих подразделений, вторыми эшелонами и тыловыми частями армий. Пикеты эстафетчиков были рассредоточены по всему фронту по периметру армии, по 3-5 человек вблизи дорог, по просекам, тропам на расстоянии 1-5-10 километров взависимости от местности и обстановки. Укрывались в шалашах, в снегу, в окопчиках. Рыть глубокие окопчики не позволяла вода — в этом была сложная специфика местности.

Когда сошел снег, скорость эстафетчиков снизилась и на пикеты выдали веловипеды и мотоциклы. На некоторых участках по болотам приходилось идти по пояс в воде и нести велосипед на себе. Срочно нашей эстафетной роте выделили 50 кавалерийских лошадей. Нужно было готовить наездников. С этим хорошо справился командир взвода лейтенант Н. В. Денисов из Троицка — оренбургский казак. Но лошадей содержать было трудно. Немцы, отступая, все уничтожали, а фуража, сбрасываемого с воздуха нашими самолетами по ночам, было совершенно недостаточно. Иногда удавалось приобрести сено в деревнях, занятых немцами, но эти операции не всегда проходили гладко.

С обеспечением эстафетчиков едой было еще труднее. Из шести месяцев Любанской операции 5 месяцев войска Второй ударной армии находились в окружении, снабжение осуществлялось по узкому коридору в районе «Мясного Бора». А позже — только самолетами по ночам сбрасывали фураж и продукты. Ближе к весне стало совсем тяжело. Практически мы голодали. Особенно трудно было без соли. Как-то сбросили с самолетов кули с солеными сухарями. На них были этикетки, на которых стояло «Магнитогорск». Сколько было радости! Часто получали подарки от населения с Большой Земли с печеньем, платками, кисетами, махоркой, письмами. Как это поднимало дух наших воинов!

Но это, к сожалению, не решало проблему продовольствия. Очень часто нам приходилось обеспечивать себя мясом раненых, убитых и даже павших лошадей. Некоторые умудрялись добывать питание у противника.

Немцы называли лыжников «снежные призраки», «белые призраки». В захваченных штабных документах говорилось: «На фронт прибыли части с Урала и Сибири, проявляют стойкость, мужество, умение».

Наши лыжники вступили в войну совсем юными. Но какой силой духа обладали молодые воины! Разве можно забыть Степана Дерябина, кавалера ордена Славы III степени, С. Зубарева, А. Босых, С. Сальникова, Г. Подобеду, И. Коробкова, П. Бушуева, К. Грибовского... Все они у меня в памяти. Вот Леня Торопыгин, бывший мой помощник, вывел взвод эстафетчиков из окружения немецкими автоматчиками и был представлен к званию мл. лейтенанта. Головченко, командир взвода, не раз спасал эстафетчиков от нападения немецких автоматчиков. Коробков — ординарец — будучи раненным, не лег в госпиталь, лечился в роте. Эстафетчик Пятаков, бывший милиционер из Магнитогорска, не раз уходил от преследования фашистскими группами с секретными документами. Тяжело раненным пропал без вести писарь роты Климанский — он прикрывал отход из окружения группы наших воинов. Он тоже магнитогорец...

К нашему комбату часто приходил в гости его земляк и приятель, старший политрук из редакции армейской многотиражки «Отвага» — Муса Джалиль. Кто знал тогда, что это будущий Герой Советского Союза, национальный герой татарского народа, автор всемирно известных «Моабитских тетрадей»! Комбат нашего лыжного батальона погиб в июне 1942 года при обороне штаба армии.

В марте 1942 года я был легко ранен. К середине мая из окружения были выведены несколько корпусов, дивизий, танковая бригада и другие подразделения. Это были, конечно, не части, а то, что от них осталось вместе с наименованиями и боевыми знаменами. Многие конники плелись пешком, каждый нес на спине по связке клинков, оставшихся от убитых товарищей.

Две недели усталые, полуголодные войска Второй ударной армии с боями тянулись на восток, обратно к «Мясному Бору», отбиваясь от наседающих гитлеровцев. Я был очевидцем, как один пулеметчик 19-й Гвардейской бригады лежал в кустах, прикрывая отход своих товарищей на новый рубеж. Немцы, видимо пьяные, цепью по несколько человек выходили из леска на поляну, стреляя беспорядочно в сторону нашего пулеметчика. Он расстреливал их буквально чуть ли не в упор, те снова поднимались и шли, и шли... Когда пулеметчик выскочил за насыпь, которая отделяла его от немцев, к нему подбежали красноармейцы оказать помощь, думали, что ранен. Но, несмотря на то, что вся спина фуфайки была в клочьях, у него не было ни одного ранения. Он сидел и плакал от ужаса и злости.

Трудно было выдержать подобную «симфонию боя». Можно было оглохнуть от треска ломающихся, горящих деревьев, от грома и грохота непрерывных бомбежек и артогня, от адской чечетки пулеметных очередей и надрывного хлопанья мин. На каждом шагу под ногами железо, мины, пулеметные ленты, заржавленные немецкие винтовки и автоматные диски... Сознание отказывалось воспринимать такое количество трупов везде...

Вскоре я и мой конь были тяжело ранены. Самолетом я был эвакуирован на большую землю. Прощай, Волхов! Помяни нас добром! Мы сделали все, чтобы воды твои стали чистыми и прозрачными. Но к волнам твоим часто примешивалась людская кровь. В твои воды ушли и те, кто рвался вызволить из блокадного кольца ленинградцев. И память об этом не угаснет.